

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№ 1
(23)

2012

Редакционная коллегия:

А. М. Молдован (главный редактор), *А. А. Алексеев*, *Х. Андерсен* (США), *Ю. Д. Апресян*, *А. Богуславский* (Польша), *И. М. Богуславский*, *Д. Вайс* (Швейцария), *Ж. Ж. Варбот*, *А. Вежбицкая* (Австралия), *А. А. Гитциус*, *М. Ди Сальво* (Италия), *Д. О. Добровольский*, *В. М. Живов*, *А. Ф. Журавлев*, *А. А. Зализняк*, *Е. А. Земская*, *Х. Кайперт* (Германия), *Л. Л. Касаткин*, *Э. Кленин* (США), *А. Д. Кошелев*, *Л. П. Крысин*, *Р. Ляковский* (Польша), *Х.-Р. Мелиг* (Германия), *И. Мельчук* (Канада), *Н. Б. Мечковская* (Беларусь), *Е. В. Падучева*, *А. А. Пичхадзе* (ответственный секретарь), *В. А. Плунгян*, *Т. В. Рождественская*, *Д. В. Сичинава*, *А. Тимберлейк* (США), *Х. Томмола* (Финляндия), *М. Флайер* (США), *А. Я. Шайкевич*, *А. Д. Шмелев*

Адрес редакции:

119019, Москва, ул. Волхонка 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Редакция журнала «Русский язык в научном освещении».

Тел.: (495) 637-79-92, факс: (495) 695-26-03, e-mail russyaz@yandex.ru.

Издательство: e-mail lrc.phouse@gmail.com, сайт www.lrc-press.ru.

Зав. редакцией *М. С. Мушинская*

Редакторы номера *А. А. Пичхадзе*, *Е. И. Державина*

Корректоры *Е. Сметанникова*, *Г. Эрли*

Издатель *А. Д. Кошелев*

Редакция журнала «Русский язык в научном освещении» просит авторов присылать статьи в журнал на адрес: russyaz@yandex.ru.
Все публикации бесплатны.

Подписка на журнал оформляется в любом отделении связи по Объединенному каталогу «Пресса России», индекс 44088.

Подписано в печать 31.05.2012. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Усл. п. л. 20. Заказ №

© Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН, 2012
© Авторы, 2012

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования

<i>В. Лефельдт.</i> Карл Фридрих Гаусс и русский язык.....	5
<i>Ф. Фичи, Н. Н. Жукова.</i> О грамматико-семантических свойствах конструкций типа <i>Вчера мне легко работалось</i>	18
<i>Е. А. Гришина.</i> <i>Здесь и тут</i> : корпусной и жестикуляционный анализ полных синонимов.....	39
<i>И. В. Нечаева.</i> О <i>шоп(п)инге, мини(-)вэне</i> и тайнах орфографической кодификации.....	72
<i>О. А. Шарыкина.</i> Фразеология спортивного публицистического дискурса 1950—2000-х гг.	90
<i>В. В. Шаповал.</i> Трудности интерпретации песенного контекста в словаре	110
<i>А. И. Грищенко.</i> К новейшей истории слова <i>россияне</i>	119
<i>М. Н. Шевелева.</i> Еще раз о бесприставочных итеративах на <i>-ыва-/ива-</i> типа <i>хаживать</i> в истории русского языка.....	140
<i>М. В. Гашнева.</i> Прошедшее несовершенное в севернорусских былинах и нарративная традиция древнерусских памятников.....	179
<i>О. Ф. Жолобов.</i> О рефлексах инъюнктива в древнерусских книжных источниках	194
<i>П. В. Петрухин.</i> К проблеме реконструкции и перевода Повести временных лет.....	232
<i>Т. И. Афанасьева.</i> Литургическая терминология в славянских служебниках XIII—XV вв.: эволюция литературной нормы и церковного узуса	250

Информационно-хроникальные материалы

Хроника Международной научной конференции «Глагольный вид: грамматическое значение и контекст» (<i>Е. В. Урысон, Е. А. Мишина, В. С. Томеллеры, Т. А. Архангельский</i>)	267
--	-----

Хроника научной конференции «Филологическое наследие М. В. Ломоносова» (<i>Н. В. Карева, Е. М. Матвеев</i>).....	274
Отчеты о диалектологических экспедициях Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН в 2011 г. (под общ. ред. <i>О. Г. Ровновой</i>):	
— Экспедиция в Кировскую область (<i>Л. Л. Касаткин</i>).....	280
— Экспедиция в Тульскую область (<i>И. А. Букринская, О. Е. Кармакова</i>).....	282
— Экспедиции в Вологодскую, Тверскую и Смоленскую области (<i>С. В. Дьяченко, И. И. Исаев</i>).....	286
— Экспедиции в Шатурский район Московской области и Среднее Полесье (<i>А. В. Тер-Аванесова</i>).....	290
— Экспедиция в Винницкую область Украины (<i>С. В. Дьяченко</i>).....	295
— Экспедиция в Казахстанский Алтай (<i>О. Г. Ровнова</i>).....	298

Рецензии

<i>Н. А. Еськова</i> . Нормы русского литературного языка XVIII—XIX веков: Ударение. Грамматические формы. Варианты слов. Словарь. Пояснительные статьи. М., 2008. (<i>И. А. Корнилаева</i>).....	303
<i>О. Ю. Галуза</i> . Албазинский словарь. Благовещенск, 2010. (<i>Л. В. Куртикова</i>).....	308

Обзоры

Ulica Ševčenko, 25, korpus 2. Scritti in onore di Claudia Lasorsa. A cura di Valentina Benigni, Alessandro Salacone. Cesena, Roma, 2011. (<i>Р. И. Розина</i>).....	312
<i>В. Матвеевко, Л. Щеголева</i> . Книги временные и образные Геоργия Монаха. В 2 т. Т. 2. М., 2011. (<i>А. А. Пичхадзе</i>).....	314

Е. А. ГРИШИНА

ЗДЕСЬ И ТУТ: КОРПУСНОЙ И ЖЕСТИКУЛЯЦИОННЫЙ АНАЛИЗ ПОЛНЫХ СИНОНИМОВ*

1. Введение

Развитие корпусной лингвистики позволяет исследовать смысловые различия между синонимами, которые традиционно считаются полными. Утверждение, что данные слова являются полными синонимами, на практике означает, что исследователю не удастся подобрать контекст, в котором один из синонимов был бы возможен, а второй — нет, т. е. контекст, в котором замена одного синонима на другой порождала бы неправильное, бессмысленное высказывание или резко меняла бы смысл исходного высказывания¹. При использовании полных синонимов X и Y в одном и том же контексте а...b смысловоразличительный максимум, которого удастся достичь, формулируется следующим образом: аXb значит совершенно то же самое, что аYb, но почему-то носители языка предпочитают первую комбинацию второй.

Иногда причины такого немотивированного предпочтения лежат на поверхности: например, особенности сочетаемости в парах *языковедение* — *языкознание*, *языковедение* — *лингвистика* связаны с относительной малоупотребительностью первого члена пары по сравнению со вторым; особенности же сочетаемости в паре *языкознание* — *лингвистика* определяются различием в предмете и методике исследования (*сравнительно-историческое языкознание*, но *корпусная лингвистика*).

Однако в ряде случаев различия в значениях полных синонимов невозможно обосновать очевидными хронологическими и стилистическими факторами, и тогда наличие в языке двух слов, которые значат одно и то

* Исследование проведено при поддержке программы Президиума РАН «Корпусная лингвистика», программы ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей», а также грантов РФФИ № 10-06-00151 и 11-06-00030.

¹ Основываясь на данной методике, блестящих результатов в исследовании русской синонимии достигла Московская семантическая школа, ср. [НОСС 2004].

же, относятся к одному и тому же стилистическому и хронологическому регистру и во всех контекстах взаимозаменяемы без какого-то заметного ущерба для смысла, кажется необъяснимым и парадоксальным.

В настоящей статье мы хотим рассмотреть одну такую пару синонимов, которые традиционно признаются полными, а именно — местоименные наречия *здесь* и *тут* (последнее — в пространственном значении).

Мы исходим из двух предположений.

1. Во-первых, мы считаем, что если в языке устойчиво используются два равнозначных слова, между которыми нет заметных стилистических и частотных различий, то это не случайно: в таком случае следует предполагать действие каких-то семантических или прагматических факторов, влияющих на выбор одного из пары синонимов, которые невозможно определить и сформулировать с помощью мены синонимов в одном и том же контексте. Исходя из этой презумпции, мы считаем, что невозможность подобрать контрольный контекст, который бы однозначно предпочитал один синоним другому, означает, что факторы, различающие полные синонимы, недостаточно отрефлектированы в языке, не имеют своих собственных форм выражения, прежде всего в виде тех или иных смысловых компонентов слова, и, соответственно, не будучи выражены, не могут вступать в контрверзы с семантическими компонентами слов и конструкций, формирующих те или иные контексты.

Мы только что упомянули о ситуации, когда между полными синонимами нет заметных стилистических и частотных различий. Но верно ли это для полных синонимов *здесь* и *тут*? Что касается стилистических различий, то существует устойчивое представление, что *здесь* — более литературное слово, чем *тут*, т. е. последнее относится, скорее, к стихии разговорной речи (представление это восходит, по-видимому, к рекомендациям словаря Ушакова, характеризовавшего *тут* как разговорное). Но если это так, то в разговорной речи *тут* должно употребляться чаще, чем *здесь*, и наоборот, для письменной речи более характерным должно быть наречие *здесь*. Частотный словарь [Ляшевская, Шаров 2009], созданный на базе Национального корпуса русского языка, позволяет проверить это предположение (данные приведены в табл. 1).

Таблица 1

Жанр \ Наречие	Корпус письменных текстов	Художественная литература	Публицистика	Другая нехудожественная литература	Устная речь
<i>здесь</i>	796,8	951,0	746,2	594,4	1311,6
<i>тут</i>	879,2	1409,2	648,7	314,5	1853,3
коэффициент	0,9	0,67	1,15	1,89	0,7

Как видим, водораздел проходит вовсе не между письменной и устной речью: данные по устной речи практически повторяют данные по художественной литературе и лишь немного отличаются от данных по всему корпусу письменных текстов. Если продолжать настаивать на разговорности *тут* по сравнению с *здесь*, то можно было бы считать, что высокий уровень использования наречия *тут* в художественной литературе естественным образом отражает наличие в ней диалогов, для которых как раз и характерна такая разговорная единица (в публицистике и других нехудожественных текстах диалогов либо минимальное количество, либо нет вообще, поэтому в них явно преобладает наречие *здесь*). Однако если придерживаться такой концепции, то непонятно, почему соотношение *здесь* и *тут* в устной речи так мало отличается от соотношения *здесь* и *тут* в речи художественной литературы — ведь устный корпус в рамках НКРЯ содержит в основном диалогическую речь, которая соотносится с диалогами в художественной прозе и драме, и очень небольшое количество монологических текстов (лекции, доклады, монологические интервью, спортивные комментарии), которые можно стилистически приравнять к авторской речи в художественной прозе.

Мы признаем, что тяготение *здесь* и *тут* к разным речевым жанрам, которое отражается в статистике, — объективный факт, но полагаем, что объяснение этому лежит не в стилистической, а в семантической плоскости, т. е. разная частотность этих наречий в разных речевых жанрах определяется различиями в их значениях. Позже мы вернемся к этому вопросу.

2. Второе предположение касается уже конкретно слов *здесь* и *тут*: поскольку эти слова являются дейктическими, то, с нашей точки зрения, семантические различия между ними, если они паче чаяния будут обнаружены, должны так или иначе отразиться в дейктических жестах, сопровождающих эти местоименные наречия в устной речи. Здесь мы исходим из предположения К. Мюллер [Müller 2008], подтвержденного нами в работе [Гришина 2011a], о том, что в устной речи достаточно часто встречаются т. н. мультимодальные кластеры, т. е. устойчивые сочетания явлений разных модусов (смыслового, жестикуляционного и/или фонетического), каждое из которых на своем уровне своими средствами передает одно и то же значение. Таким образом, мы считаем, что сочетания дейктических слов и дейктических жестов представляют собой мультимодальные кластеры и, соответственно, различия в семантике дейксисов должны тем или иным способом отражаться в сопровождающей их жестикуляции.

В заключение отметим, что наречия *здесь* и *тут*, будучи дейксисами, выполняют в речи три основные функции: 1) собственно дейктическую, т. е. указание на некоторое место, находящееся перед глазами говорящего, 2) анафорическую (реже — катафорическую), т. е. отсылающую к некоторому месту, упомянутому в предшествующем речевом потоке (или тому, которое говорящий планирует упомянуть позже), и 3) функцию, которая в

[Бюлер 1993] была названа дейксисом к воображаемому, т. е. указание на отсутствующее в зоне непосредственного наблюдения или не существующее в реальности место. Вторая и третья функции «исторически» восходят к первой. Как пишет Бюлер, «при анафоре речь обращена, так сказать, сама на себя, вперед или назад. В остальном же... это те же указательные слова, употребляющиеся повсюду» [Там же: 114]. Аналогичным образом автор трактует *Deixis am Phantasma* — как мысленное перемещение объекта указания к указывающему субъекту или, напротив, как мысленное перемещение указывающего субъекта к объекту указания, при сохранении *самого дейктического механизма*, «ведь функция, выполняемая указательным пальцем и его эквивалентами, никогда не исчезает полностью и не вытесняется...» [Там же: 75]. Именно поэтому мы в дальнейшем изложении не будем различать эти три способа использования дейктических слов. Поскольку сама схема использования дейксисов во всех этих трех случаях одина, различие состоит только в том, что именно является объектом указания: реальный объект в поле зрения говорящего, некоторая зона в потоке речи или воображаемый объект — семантические же характеристики дейксиса от этого существенным образом не меняются.

2. Корпус как инструмент анализа полных синонимов

В результате активного строительства корпусов и создания электронных библиотек и, соответственно, развития корпусной лингвистики полная синонимия стала привлекать к себе повышенное внимание. Так, например, в работе [Лауфер 2007] на материале Национального корпуса русского языка была исследована пара полных синонимов *надо* и *нужно*. В работе [Андреева 2011] на материале англо-русского и русско-английского параллельных корпусов были описаны различия между русскими словами *мораль* и *нравственность* и их соотношение с английским *morality*.

Интересно, что в обеих работах в качестве скрытых факторов, влияющих на выбор синонимов, названы сходные явления. В работе [Лауфер 2007: 358] делается вывод, что *нужно* обозначает субъектно-ориентированную ситуацию, а *надо* передает ситуацию, не учитывающую ничьи интересы; *нужно* обозначает ситуацию, к которой говорящий испытывает эмпатию, *надо* используется в основном для описания ситуации, с которой говорящий себя не ассоциирует, на которую смотрит со стороны. В работе [Андреева 2011: 75] утверждается, что «мораль... означает некие принципы, социальные по своей сути и так или иначе воспитываемые в человеке обществом», общественная же мораль, «которая стала индивидуальной, воспринятой конкретным человеком... становится его нравственностью». Как видим, в обоих исследованиях в качестве по крайней мере одного из факторов, влияющих на выбор того или иного синонима, является противопоставление личного — общественного, субъективного — объективного,

субъектного — объектного. Ниже мы еще вернемся к этим противопоставлениям.

Прежде чем перейти к описанию и анализу материала, обозначим в явном виде ту методику работы с корпусом, которая будет использована в данной статье². Поскольку, как мы уже писали выше, факторы, влияющие на выбор одного синонима из пары, не приводят (может быть, временно, на данном этапе развития языка) к формированию специальной зоны в значении синонима, которая могла бы противоречить тем или иным семантическим компонентам в ближайшем контексте, о наличии таких факторов мы можем судить только по статистическим характеристикам сочетаемости данного синонима. Имеется в виду следующее. Чем более четко сформирован в семантической структуре данного слова тот или иной семантический компонент, тем жестче он взаимодействует с семантической структурой контекста. В пределе, четко оформленный семантический компонент значения (в ассертивной ли, в пресуппозиционной ли зоне значения) может предъявлять к контексту настолько жесткие требования, что в данном семантическом окружении становится возможным только один из пары синонимов. Напротив, если семантический компонент оформлен нечетко, то его требования к контексту существенно мягче. В этом случае мы можем заметить этот компонент значения только с помощью статистических данных. Для этого следует определить типичные контексты для данного синонима и провести их количественный анализ. Так, для предиката такими типичными контекстами будут субъектный контекст (основные типы субъектов, характерные для данного предиката), обстоятельственный контекст (основные способы совершения данного действия или осуществления данного состояния), актантные контексты (основные способы заполнения валентностей данного предиката). Для существительного показателны атрибутивные, предикатные, количественные контексты, для прилагательного — именные, обстоятельственные контексты и т. д. На материале корпуса должны быть собраны все возможные заполнения той или иной позиции, признанной существенной для данного слова, а затем проведен их количественный анализ. В случае, если исследуемая конструкция была выбрана правильно (что заранее предсказать невозможно) и при этом было собрано достаточное количество примеров (т. е. корпус оказался достаточно представительным), удастся определить, какие именно сочетания предпочитает каждый из исследуемых синонимов, что позволит перейти к тем или иным обобщениям, констатирующим наличие или отсутствие «мягкого» компонента значения в каждом члене синонимической пары.

Более конкретно приемы статистического анализа будут описаны нами ниже.

² Отметим, что сходные методики использованы и в обеих цитированных работах — в явном, как в работе Н. И. Лауфер, или в скрытом, подразумеваемом формате, как в работе Е. Г. Андреевой.

3. Здесь и тут

3.1. Здесь/ тут и предикаты местоположения

Поскольку полные синонимы *здесь* и *тут*³ функционируют как наречия, важными для них, очевидно, являются **предикатные** контексты. Далее, поскольку *здесь* и *тут* являются местоименными наречиями, отсылающими к местоположению объекта, то рассматривать, по-видимому, следует прежде всего сочетания этих слов с **предикатами местоположения**.

Предикатами местоположения мы будем считать не все предикаты, которые включают в себя сему 'расположение в пространстве', а только те, для которых заполнение валентности пространственного расположения является обязательным. Обязательным заполнение данной валентности мы считаем в том случае, если 1) предикат без заполнения данной валентности не употребляется (*находиться, быть расположенным, прожить, проживать, ютиться, покоиться, храниться, скрываться, представлять, раскинуться, висеться*), 2) предикат *может* употребляется без заполнения данной валентности, но в таком случае мы имеем дело с его абсолютивным употреблением, т. е. если при предикате не заполнена валентность местоположения, то при нем не должна быть заполнена и временная валентность (*располагаться, размещаться, разместиться, расположиться, жить, пережить, сидеть, лежать, висеть, стоять, существовать, бытовать, сохраться, скрываться 'прятаться', таиться*⁴).

Всего было рассмотрено 5032 контекста с данными предикатами; контексты были разбиты на три группы (см. табл. 2а).

Здесь мы должны сделать специальное отступление, чтобы описать **методику работы** с полученными статданными. Во-первых, распределения анализируются по методу χ -квадрат, чтобы проверить их достоверность. Достоверность определяется как значимое отклонение от теоретически ожидаемых средних распределений. Методика расчета степени достоверности методом χ -квадрата хорошо известна, поэтому мы не будем ее здесь

³ Уточним, что в дальнейшем изложении весь материал брался из Национального корпуса русского языка, но не из всего объема корпуса, а из текстов второй половины XX — начала XXI вв. Это связано с тем, что, по-видимому, в середине XX в. в употреблении *здесь* и *тут* в письменных текстах произошел некоторый перелом, пока невыясненного характера, который, во всяком случае, отразился на относительных статистических характеристиках этих слов. Поэтому все, изложенное ниже, характерно для современного русского языка, для предшествующих же эпох его развития закономерности могут быть иными.

⁴ Контрольными контекстами для этих предикатов может послужить, например, *Р на рассвете* или *Р в прошлом году*, в зависимости от особенностей предиката: **Располагаться на рассвете*, **Сидеть на рассвете*, **Храниться в прошлом году*, но *Располагаться в лесу на рассвете*, *Сидеть на берегу на рассвете*, *Храниться в запасниках в прошлом году* и т. д.

описывать. Укажем только, что для данных в табл. 2а $\chi^2 = 296,4$, т. е. уровень достоверности очень высокий, а следовательно, разделение предикатов местоположения на предложенные группы существенно для различения местоименных наречий *здесь* и *тут*.

Таблица 2а

Предикатные контексты для *здесь* и *тут*

Группа предикатов	<i>Здесь</i>	<i>Тут</i>	Δ_N
Группа 1: собственно предикаты местоположения ⁵	817	146	0,7
Группа 2: предикаты проживания ⁶	1487	417	0,56
Группа 3: предикаты позиции ⁷	1270	895	0,17
Всего	3574	1458	
$\chi^2=296,4$; $p \leq 0,01$, параметры связаны, распределения достоверны			

Далее мы используем для анализа данных критерий нормированной дельты, который мы уже применяли для анализа крупных групп прилагательных в работе [Гришина 2010]. Нормированная дельта Δ_N применяется для того, чтобы наглядно показать, в каком направлении и в какой степени отклоняются друг от друга одни и те же показатели для двух разных слов. Вычисляется Δ_N по следующей формуле:

$\Delta_N = (Я1 - Я2) / (Я1 + Я2)$, где Я1 и Я2 — данные в соседних ячейках.

Так, для группы «собственно предикаты местоположения» (строка 1 в табл. 2а) и для наречия *здесь* значение Я1 = 817; для этой же группы предикатов и наречия *тут* Я2 = 146. Следовательно, $\Delta_N = (817 - 146) / (817 + 146) = 671/963 = 0,7$.

Аналогичным образом получаем $\Delta_N = 0,56$ для предикатов проживания и $\Delta_N = 0,17$ для предикатов позиции.

Видим, что значения Δ_N для трех групп предикатов различаются в существенной степени. Для того чтобы сделать картину более наглядной, проведем операцию экстраполяции. Как видно из табл. 2а, наречие *здесь* в контексте предикатов местоположения и пребывания употребляется в два с лишним раза чаще, чем наречие *тут* (3574 vs. 1458). Предположим, что мы увеличили наш исходный корпус и отобрали из него только контексты местоположения с наречием *тут* — так, чтобы количество контекстов с *здесь* и с *тут* выровнялось. Экстраполяция заключается в предположении, что добавленные нами контексты с наречием *тут* распределятся по группам предикатов в той же пропорции, что и в исходном корпусе. Получен-

⁵ *Находиться, располагаться, быть расположенным, размещаться, разместиться, расположиться, существовать, бытовать, храниться, покоиться, сохраться, скрываться, таиться, представлять, раскинуться, висеть.*

⁶ *Жить, прожить, проживать, пожить, пережить, ютиться.*

⁷ *Стоять, лежать, сидеть, висеть.*

ную в результате экстраполяции дельту обозначим Δ_E^8 . Чем ближе экстраполированная дельта к нулю, тем менее различительным является данный параметр. Чем сильнее экстраполированная дельта отличается от нуля, тем больше различительная сила данного параметра. Естественно, что чем больше исходное количество обследованных контекстов, тем более надежной будет наша экстраполяция. Результаты приведены в табл. 2б.

Таблица 2б

Предикатные контексты для *здесь* и *тут*

Группа предикатов	<i>Здесь</i>	<i>Тут</i>	Δ_N	Δ_E
Группа 1: собственно предикаты местоположения	817	146	0,7	0,28
Группа 2: предикаты проживания	1487	417	0,56	0,14
Группа 3: предикаты позиции	1270	895	0,17	-0,25
Всего	3574	1458	0,42	0
$\chi^2=296,4; p \leq 0,01$, параметры связаны, распределения достоверны				

Значения экстраполированной дельты показывают, что контексты с предикатами проживания недостаточно специфичны для распределения наречий *здесь* и *тут* (значение $\Delta_E = 0,14$), хотя их «требования» к выбору между *здесь* и *тут* существенно ближе к первой, а не к третьей группе предикатов. Что же касается контекстов с предикатами позиции (*стоять, лежать, сидеть, висеть*) и остальными предикатами местоположения (группа 1), то *здесь* и *тут* в них распределены противоположным образом — для группы 1 характерно употребление *здесь* ($\Delta_E = 0,28$), для группы предикатов позиции характерно употребление *тут* ($\Delta_E = -0,25$; таким образом, мы видим, что – (минус) при экстраполированной дельте показывает, что данный параметр характерен для лексемы во втором столбце (в данном случае — *тут*), а положительная экстраполированная дельта демонстрирует предпочтительность данного параметра для единицы в первом столбце (в данном случае — *здесь*)).

Дистанция между дельтами равна сумме дельт, взятых по модулю, и обозначает вес данного параметра, т. е. степень контрастности между данными.

Может показаться, что дистанция между $\Delta_E = 0,28$ и $\Delta_E = -0,25$ недостаточно велика (0,53), чтобы на ее основании можно было делать какие бы то ни было осмысленные выводы. Обратим, однако, внимание на то, что предикатных контекстов нами было рассмотрено достаточно много (в общей

⁸ Математически экстраполированная дельта равна $\Delta_E = \Delta_N - \Delta_M$, где $\Delta_M = (A_{total} - B_{total}) / (A_{total} + B_{total})$, а A_{total} — общее количество контекстов для единицы *A* (в нашем случае — наречия *здесь*, 3574), B_{total} — общее количество контекстов для единицы *B* (в нашем случае — наречия *тут*, 1458). Отметим, что, в отличие от нормированной дельты, экстраполированная дельта может быть больше единицы.

сложности чуть более 5 тыс.), а при таких объемах незначительные, на первый взгляд, статистические различия уже могут считаться значимыми. Для того чтобы проиллюстрировать, как выглядит совершенно незначимый для различения *здесь* и *тут* параметр, рассмотрим контексты с уточнением, когда сразу за местоименным наречием следует предложная конструкция, разъясняющая, какое именно место имеется в виду при употреблении наречия (*здесь, на пустом катке; тут, в Средней Азии*), и зададимся вопросом, зависит ли от выбора наречия выбор следующего за ним пространственного предлога.

Таблица 3

Предлоги в уточняющих конструкциях

Предлог	<i>Здесь</i>	<i>Тут</i>	Δ_N	Δ_E
<i>в</i>	240	39	0,72	0,03
<i>на</i>	178	38	0,65	-0,04
<i>возле, над, около, под, у</i>	27	5	0,69	0
всего	445	82	0,69	0
$\chi^2=1,2$; параметры не связаны, распределения недостоверны				

Во-первых, мы видим, что по критерию χ -квадрат данные параметры не связаны между собой. Но и экстраполированная дельта показывает тот же результат: для всех предлогов значения экстраполированной дельты колеблются вокруг нуля или попросту равны ему, что означает, что тип предлога в уточняющей конструкции и выбор наречия никоим образом не связаны между собой. Впрочем, весьма интересным кажется сам факт существенного (более чем в 2 раза) преобладания уточняющих конструкций при наречии *здесь* по сравнению с наречием *тут*. Ниже мы вернемся к этому.

Таким образом, в контекстах типа *X находится здесь/тут, X существовал здесь/тут, X расположен здесь/тут* и под. статистически предпочтителен вариант с *здесь*, а в контекстах типа *X сидит/лежит/стоит/висит здесь/тут* статистически предпочтителен вариант с *тут*.

3.2. Здесь / тут и «располагаемые» объекты

Вторым типом контекстов, которые разумно рассмотреть в нашем исследовании, являются контексты, позволяющие проанализировать типы объектов, которые могут иметь место *здесь* или *тут*. Априори кажется бессмысленным предположение, что на выбор между *здесь* и *тут* могут влиять располагаемые *здесь* или *тут* объекты (при том, что прямой синтаксической связи между *здесь/тут* и наименованием соответствующего объекта нет; это обстоятельство, кстати сказать, может ослаблять искомые статистические закономерности, что естественно ведет к пониженной контрастности у значений дельты).

Для анализа был выбран глагол *быть*, который предъявляет минимальные семантические требования к располагаемым объектам (в отличие, например, от *сидеть*, *находиться*, *располагаться*, *выситься*, *жить* и прочих). Следовательно, поскольку заполнение позиции субъекта при глаголе *быть* семантически абсолютно свободно, а предикат (*быть*) в выборке остается одним и тем же, можно выдвинуть предположение, что на выбор между *здесь* и *тут* в контекстах типа *через сутки он будет здесь/тут, вот здесь/тут был магазин* хотя бы частично влияют семантические характеристики субъекта бытования.

Существительные, заполняющие позицию субъекта в конструкциях $X + \text{'быть'} + \text{здесь/тут}$ и $X + \text{здесь/тут} + \text{'быть'}$, предлагается разбить на две большие группы.

В первую входят объекты, которые условно можно назвать **стабильными**. Это материальные объекты самой разной природы ('человек', 'предмет', 'территория', 'строение', 'поселение', 'животное' и под.) или нематериальные объекты стабильной структуры ('учреждение', 'организация'):

- (1) *Почему-то мы очутились в Копенгагене. **Здесь была** маленькая русская **колония**.* (Эдвард Радзинский. Наш Декамерон (1980—1990))
- (2) ***Я** огляделся, как будто **был тут** в первый раз, и отнял нож от ее горла.* (Надежда Трофимова. Третье желание // «Звезда», 2003)
- (3) ***Была здесь** и своя **почта**, откуда сушеные травы рассылались по всему миру.* (Еремей Парнов. Александрийская гемма (1990))
- (4) *Именно поэтому у нас **тут есть отделение черной магии!*** (Дмитрий Емец. Таня Гроттер и магический контрабас (2002))

Во вторую группу входят бытующие объекты **процессуального, событийного** характера ('ситуация', 'свойство', 'событие', 'процесс' и под.):

- (5) *Самый любопытный **случай был здесь** с Фимой.* (И. М. Дьяконов. Книга воспоминаний. Часть вторая. Глава четвертая (1942—1944) (1995))
- (6) *Разве **есть тут что-нибудь похожее** на то, о чём вы говорите?* (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей. Часть 3 (1978))
- (7) *Про мои стихи он сказал: «**Здесь есть раскованность и образность**, но они по эту сторону грани...»* (Андрей Вознесенский. На виртуальном ветру (1998))
- (8) *Но когда одна струна так, другая этак, третья вообще висит, четвертая оторвалась — **какая тут будет музыка?*** (Протоиерей Димитрий Смирнов. Проповеди (1984—1989))

В эту группу входят в основном абстрактные объекты, но, как представляется, важным для семантики *здесь* и *тут* является не столько их абстрактность и невещественность, сколько тот факт, что за каждым таким

абстрактным объектом скрывается на самом деле некоторый процесс, событие, ситуация. Так, за абстрактным существительным *случай* (пример (5)) скрывается некоторое событие, за оборотом *что-нибудь похожее на то, о чем вы говорите* (пример (6)) — совокупность событий или ситуаций, и т. д. Мы не считаем возможным в данной статье обсуждать философские проблемы соотношения языковых абстракций и лежащих за ними денотатов, для нас важен лишь тот факт, что за абстракциями в конечном итоге всегда может быть обнаружена событийная предикация.

Анализ чуть более полутора тысяч контекстов показал следующие распределения (табл. 4):

Таблица 4

Типы бытующих объектов и выбор наречий *здесь/тут*

Тип объекта	<i>Здесь</i>	<i>Тут</i>	Δ_N	Δ_E
Стабильные объекты	503	466	0,04	0,11
Событийные объекты	191	342	-0,28	-0,21
$\chi^2=35,7$; $p \leq 0,001$, параметры связаны, распределения достоверны				

Как видим, стабильные объекты в качестве субъектов бытования тяготеют к выбору наречия *здесь*, событийные объекты — к наречию *тут* (Δ_E 0,11 vs. -0,21; следует отметить, что предположение о том, что разница между значениями соответствующих дельт здесь будет менее контрастной, чем в случае предикатных контекстов, вполне подтвердилось, — вес фактора |0,32|).

3.3. Попытка интерпретации

3.3.1. Интерпретация статистических данных. Итак, анализ двух типов контекстов употребления местоименных наречий *здесь* и *тут* показал, что

- 1) *тут* в качестве предикатов предпочитает глаголы *сидеть, лежать, стоять, висеть*;
- 2) *здесь* в качестве предикатов предпочитает остальные предикаты местоположения;
- 3) если при глаголе *быть* обстоятельственная позиция заполнена наречием *тут*, то в позиции субъекта в этом случае будет, скорее, событийное существительное;
- 4) если при глаголе *быть* обстоятельством места является наречие *здесь*, то с большей вероятностью субъектом при глаголе *быть* окажется некий стабильный объект.

Столь далекие друг от друга и разнородные статистические предпочтения в сочетаемости, на первый взгляд, объяснить достаточно трудно. С нашей точки зрения, однако, они связаны между собой и, более того, отчетливо обозначают «мягкие» семантические различия между наречиями *здесь* и *тут*.

Глаголы *сидеть*, *висеть*, *стоять* и *лежать* отличаются от остальных глаголов местоположения (кроме *выситься* и *раскинуться*) тем, что обозначают ориентацию объекта в пространстве, — остальные глаголы лишь нейтрально фиксируют расположение объекта в некоторой точке/на некоторой плоскости (*находиться*, *располагаться*, *быть расположенным*, *жить*, *существовать* и др.) или, помимо нейтральной фиксации местоположения, обозначают цель (*скрываться*, *таиться*) и манеру (*покоиться*, *представать*) местоположения в данной точке, но не его пространственную ориентацию относительно говорящего (наблюдателя). Что касается глаголов *выситься* и *раскинуться*, то они, обозначая вертикальную или горизонтальную ориентацию в пространстве, тем не менее относятся к объектам, несоизмеримым по размерам с говорящим (наблюдателем).

Основываясь на этом, можно сделать следующее предположение: использование говорящим глаголов *сидеть*, *висеть*, *лежать* и *стоять* свидетельствует о том, что, во-первых, говорящий находится достаточно близко от описываемого места расположения объекта, чтобы оценить и правильно описать его пространственную ориентацию относительно самого себя. Во-вторых, объекты, описанные говорящим с помощью этих глаголов, соизмеримы с говорящим по размерам. Иными словами, в случае, если говорящий описывает местоположение некоторого объекта с помощью пространственно ориентированных предикатов позиции, можно утверждать, что говорящий помещает себя внутрь описываемой конфигурации объектов, а не наблюдает ее со стороны.

Из сказанного можно заключить, что «пристрастие» местоименного наречия *тут* к пространственно ориентированным предикатам, описывающим местоположение объектов, соизмеримых по размерам с говорящим, объясняется тем, что в случае использования *тут* говорящий находится **внутри** описываемой ситуации; тяготение же местоименного наречия *здесь* к точечным (или, если угодно, плоскостным) предикатам местоположения и к предикатам, описывающим местоположение объектов, существенно больших, чем говорящий, можно трактовать как результат **внешнего** положения говорящего относительно описываемой ситуации.

Таким образом, русское местоименное наречие *тут* несколько выбивается из стандартных обозначений близости/дальности некоторого объекта относительно говорящего. Обычно различают двухчастную систему указания (англ. *this—that*, *here—there* и т. д., русск. *этом—том*, *тут/здесь—там*, *теперь/сейчас—тогда*, *вот—вон* и под.) и трехчастную (например, исп. *este—ese—aquel*, *esto—eso—aquello*) в соответствии с разделением на близкое—дальнее или близкое—среднее—дальнее (или близкое—дальнее—очень дальнее). Но если наша интерпретация статистических данных близка к истине, то русск. *тут* принципиально выбивается из этой системы, обозначая не просто близость говорящего к некоторому объекту, а преодоление говорящим границ этого объекта, что приводит к размещению говорящего внутри этого объекта. Таким образом, русский язык пре-

доставляет говорящему возможность обозначить с помощью местоименных наречий две стадии близости. Первая стадия заключается в нахождении **близко** к обозначаемому объекту, но **вне** его (наречие *здесь*), вторая стадия — нахождение **внутри** обозначаемого объекта (наречие *тут*); в последнем случае следует, по-видимому, говорить уже не о близости объекта указания, а о **слиянии** говорящего с ним. Таким образом, мы высказываем предположение, что при использовании наречия *здесь* говорящий обозначает лишь место, где расположен данный объект или происходит данное событие; при использовании же наречия *тут* говорящий обозначает событие, которое протекает в данном месте, и при этом сам позиционирует себя как составную часть этого события.

Такая трактовка различий в референциальном значении *здесь* и *тут* естественным образом объясняет разницу в выборе субъектов бытования, описанную нами в разделе 3.2. Действительно, поскольку наречие *здесь* предполагает внешнюю позицию говорящего по отношению к описываемому объекту и апелляцию лишь к местоположению последнего, а не к его содержательным характеристикам, для *здесь* естественным оказывается предпочтение стабильных субъектов бытования: и стабильные, и событийные субъекты расположены вне личной сферы говорящего, находятся, с точки зрения говорящего, в своего рода капсуле, и для говорящего более важными являются точка/плоскость местонахождения этой капсулы, чем ее «внутреннее устройство». Напротив, наречие *тут* предполагает расположение говорящего внутри обозначаемого субъекта бытования, что в значительной степени обрекает его на трактовку этого субъекта как события или процесса, а не как стабильного объекта жесткой структуры.

3.3.2. Уточняющие конструкции. Представляется, что именно этим расположением говорящего вне обозначаемого объекта при использовании наречия *здесь* объясняется упомянутое выше (раздел 3.1) более чем двукратное преобладание уточняющих предложных конструкций при наречии *здесь* по сравнению с наречием *тут*: говорящий, находясь вне обозначаемого с помощью наречия *здесь* местоположения объекта, вынужден описывать его с объективной точки зрения, указывая его расположение в пространстве не только по отношению к себе, но и в объективных, безотносительных пространственных координатах. Напротив, наречие *тут*, фиксирующее расположение говорящего внутри события, протекающего в том месте, в котором находится и сам говорящий, не требует от последнего объективной «привязки» события к местности — достаточным оказывается указания на то, что данное событие и говорящий привязаны к одной и той же точке в пространстве.

3.3.3. Сентенции. Как еще одно свидетельство близости говорящего и объекта указания (при наличии дистанции между ними) для наречия *здесь* и ситуационной внутрисложенности говорящего для наречия *тут* может

расцениваться тот факт, что предложения, т. е. высказывания, констатирующие некоторое вневременное, объективное положение вещей, тяготеют к использованию наречия *здесь*, а не наречия *тут*. Одним из маркеров предложений является наречие *всегда*, которое автоматически придает высказыванию характер гномы:

- (9) *Кулиса была его; он всегда здесь стоял.* (Анатолий Кузнецов. Артист миманса (1968))
- (10) *Посетителю здесь всегда помогут советом!* (О. Милуков, В. Гильзин. Самая большая выставка... // «Химия и жизнь», 1965)
- (11) *И всегда тут присутствовал тот последний, решительный, героический бой, когда от тебя осталась половина или того меньше.* (Юрий Нагибин. Бунташный остров (1994))
- (12) *У нас тут всегда молниеносно разносились новости.* (В. Ф. Панова. Сестры (1965)).

Количественные данные можно увидеть в табл. 5.

Таблица 5

Сентенции и выбор наречий *здесь/тут*

Контексты	<i>Здесь</i>	<i>Тут</i>	Δ_N	Δ_E
Сентенциальные контексты	194	49	0,60	0,54
Все контексты	77 315	69 559	0,05	0,00
$\chi^2=72$; $p \leq 0,001$, параметры связаны, распределения достоверны				

При примерно одинаковом количестве наречий *здесь* (77 315) и *тут* (69 559) в пространственном значении в обследованном подкорпусе (см. сноску 3) высказывания с сочетанием *здесь+всегда* (194) встречаются почти в четыре раза чаще, чем фразы с сочетанием *тут+всегда* (49). Очевидно, что описание некоторого события с вневременной точки зрения, описание *sub specie aeternitatis*, предполагает внешнее положение говорящего по отношению к описываемому событию, а не нахождение говорящего внутри описываемой ситуации или события, что естественным образом повышает частотность наречия *здесь* в такого рода высказываниях⁹.

3.3.4. Чужая речь. Еще одним контрольным контекстом, в котором могут проявиться статистические различия между *здесь* и *тут*, является кон-

⁹ На то, что частица *тут* не используется в общих суждениях типа **Земля тут вокруг солнца вращается*, было указано М. Л. Рубинштейн в [Рубинштейн 2004: 527]. Нам, однако, кажется, что в приведенном примере неправильность фразы связана с тем, что *тут* стоит в вакернагелевской позиции, после первой тактовой группы, а следовательно, тяготеет к безударному произнесению и к функции частицы. Если мы переместим *тут* в начальное положение, то фраза останется неправильной с точки зрения космогонии, но обретет вполне естественное лингвистическое звучание: *Тут Земля вокруг солнца вращается*.

текст передачи чужой речи (под чужой речью понимается речь адресата или третьего лица, а также речь говорящего в прошлом или в будущем):

- (13) *Я же говорил, что здесь медведей не бывает* (Анна Берсенева. *Возраст третьей любви* (2005))
- (14) *Софья Александровна сказала, что тут сидит профессор Вишнеvский* (Лев Разгон. *Непридуманное* / Иван Михайлович Москвин (1988)).

В случае передачи чужой речи говорящий аттестует место, где происходит описываемое событие, с точки зрения цитируемого лица, а не со своей, поэтому следует, скорее, ожидать, что чужая речь будет тяготеть к наречию *здесь*, а не к наречию *тут*. Данные приведены в табл. 6.

Таблица 6

Чужая речь и выбор наречий *здесь/тут*

Наличие цитирования	<i>Здесь</i>	<i>Тут</i>	Δ_N	Δ_E
Чужая речь	154	52	0,50	0,44
Все контексты	77 315	69 559	0,05	0,00
$\chi^2=39,2$; $p \leq 0,001$, параметры связаны, распределения достоверны				

Мы видим, что, действительно, в ситуации передачи чужой речи, говорящий почти в три раза чаще употребляет наречие *здесь*¹⁰. Более того, нам кажется, что в тех случаях, когда говорящий использует при передаче чужой речи наречие *тут*, он, скорее, не отсылает к местоположению из своего речевого центра, а буквально повторяет речь цитируемого лица, и следовательно, *тут* принадлежит не автору высказывания, а автору цитаты. Во всяком случае, в 154-х случаях включения *здесь* в чужую речь кавычки для обозначения ее границ не были использованы ни разу, а в 52-х случаях включения *тут* — два раза, и оба раза *тут* оказывалось внутри кавычек:

- (15) *...сообщил, что «тут сейчас в Радужном твой приятель Сергей...»* (Сергей Эйгенсон. *Сельхозработы* (2003) // «Лебедь» (Бостон), 2003.06.23)
- (16) *...при похвале он говорит, что «тут нет ничего особенного»* (Б. В. Зейгарник. *Патопсихология* (1986)).

3.3.5. Полнозначность *здесь*. Гораздо более частотное употребление наречия *тут* во временном значении:

- (17) *И тут произошло почти чудо — у Ди Стефано сработал актёрский инстинкт: он, услышав свою мелодию, вступил, может, сам того не желая.* (И. А. Архипова. *Музыка жизни* (1996))

¹⁰ Данный тип контекстов нам предложил проанализировать А. Я. Шайкевич, за что мы выражаем ему глубокую благодарность.

по сравнению с наречием *здесь*:

- (18) *И вот здесь произошло, пожалуйста, еще одно непоправимое событие в судьбе ленты.* (Эльдар Рязанов. Неподведенные итоги (2000)),

объясняется, очевидно, изложенными выше причинами: наречие *тут* отсылает к некоторой точке в событии, внутрь которого помещен говорящий, а поскольку событие развивается во времени, то наречие *тут* легко и естественно обретает временное значение. Напротив, для того чтобы временное значение появилось у наречия *здесь*, отсылающего к некоторой точке в пространстве, а не к происходящему в этой точке событию, необходимо сочетание специально подобранных лингвистических факторов (специфических предикатов, частиц и других элементов контекстной поддержки).

Существенно более сложным является вопрос о том, почему *тут* может выполнять в высказывании функции частицы, а *здесь* всегда сохраняет наречное значение. Приведем некоторые факты.

Прежде всего отметим, что нам не удалось заметить никаких статистически значимых интонационных различий между *здесь* и *тут*. В работе [Янко 2008] оба наречия отнесены к атоническим словам, т. е. к тем единицам, которые стандартно попадают в атоническую зону фразы и не несут на себе семантически значимых изменений тона, размещаясь в атонической зоне между акцентоносителями темы и ремы. Но в тех случаях, когда *здесь* и *тут* вынужденным образом становятся акцентоносителями (например, в изолированном или контрастном употреблении), распределение интонационных движений на обоих наречиях оказывается примерно одним и тем же (мы не будем здесь приводить соответствующие данные, поскольку это непосредственно не относится к нашему исследованию).

Однако если мы будем анализировать не движение тона на наречиях *здесь* и *тут*, а интенсивность их произнесения¹¹, т. е. степень их ударности, то мы заметим существенное различие между этими наречиями. Будем характеризовать относительную интенсивность произнесения наречия следующим образом:

- 1) если наречие помещено между паузами (изолированная позиция), то уровень интенсивности считается *высоким*;
- 2) если интенсивность произнесения наречия выше, чем интенсивность произнесения слога справа от него (рис. 1), то уровень интенсивности также считается *высоким*;
- 3) если интенсивность произнесения наречия ниже, чем интенсивность произнесения слога справа от него (рис. 2), то уровень интенсивности считается *низким*;
- 4) в случае, если за наречием следует пауза, сравнение производится со слогом слева.

¹¹ Для анализа была использована программа Speech Analyzer © SIL International, Даллас, Техас, США.

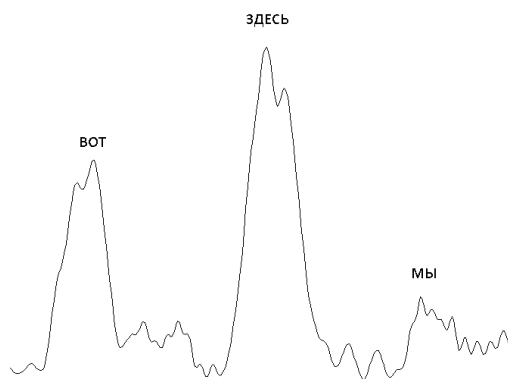

Рис. 1

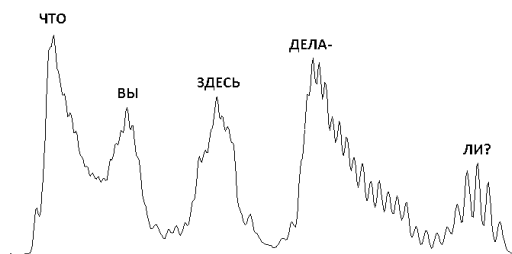

Рис. 2

Анализ материала показал, что наречия *здесь* и *тут* характеризуются разным уровнем интенсивности произнесения (см. табл. 7).

Таблица 7

Интенсивность произнесения *здесь* и *тут*

Интенсивность	<i>Здесь</i>	<i>Тут</i>	Δ_N	Δ_E
Высокая	65	26	0,43	0,37
Низкая	32	61	-0,31	-0,37
$\chi^2=25,3$; $p \leq 0,001$, параметры связаны, распределения достоверны				

Как видим, значения параметра интенсивности для *здесь* и *тут* строго противоположны: для *здесь* характерная высокая интенсивность произнесения, для *тут* — низкая. Этот факт можно трактовать как доказательство того, что *здесь* в устной речи в меньшей степени и реже подвергается редукации и клитизации, чем *тут*, и, следовательно, функционирует не только как атоническое слово, но и как полнозначное и полноударное слово (если сравнивать его с остальными местоимениями и местоименными наречиями).

Далее. Предикатные конструкции с этими наречиями устроены по-разному. В двухчастных субъектно-предикатных конструкциях для *здесь* характерна вторая позиция:

(19а) *туалет для мальчиков здесь; я здесь (дважды); я уже здесь; да он здесь!; она уже здесь; она здесь (дважды); а вы здесь; вот и ты здесь; все здесь; да я лучше здесь; канализация-то здесь!; Колесова здесь; мы — здесь; начальник полиции здесь; он здесь!; она где-то здесь* (18 примеров)

vs.

(19б) *здесь генерал; тут у меня крупа, тут пшено, а здесь горох; а здесь Петербург!* (3 примера, причем один построен на основе параллелизма с предшествующими конструкциями с *тут*).

Для *тут* характерна начальная позиция:

(20а) *тут пятьдесят штук про запас; тут следы!; тут у меня крупа, тут пшено...; а тут все-таки яркий свет; вот тут накладная; вот тут шик и блеск; а тут гости; а тут первое метро; тут тебе и сервант, тут тебе и красивая кушетка; тут Хлудов; тут помост* (11 примеров)

vs.

(20б) *он тут рядышком; так мы лучше тут!* (2 примера).

В табл. 8 приведены данные по основному корпусу НКРЯ (не мультимедийному; запрашивались только двусловные фразы типа *Картина здесь, Тут пропасть* и под.).

Таблица 8

Начальное и конечное положение во фразе для *здесь* и *тут*

Положение	<i>Здесь</i>	<i>Тут</i>	Δ_N	Δ_E
начальное	153	112	0,15	-0,24
конечное	288	81	0,56	0,17
$\chi^2=30,1$; $p \leq 0,001$, параметры связаны, распределения достоверны				

Как видим, *здесь* предпочтительно включается в стандартные двухчастные субъектно-предикатные конструкции в качестве предиката (ремы). *Тут* в сочетании с субъектом функционирует скорее как клитика и, соответственно, тяготеет к использованию в коммуникативно не расчлененных предложениях, где существительное обозначает и тему, и ремю, а *тут* (или изредка *здесь*, см. примеры (19б)) функционирует как обычное обстоятельство и не имеет предикатного значения.

Таким образом, мы видим, что для *здесь* характерна ударность и предикативность, а для *тут* — безударность и функционирование в качестве частицы или обстоятельства. Объясняется это, с нашей точки зрения, следующим. В первом приближении толкование наречия *здесь* таково: 'то близкое к говорящему место, на которое он указывает'. Согласно этому толкованию, *здесь* является наречием места, соответственно, может быть

ударным, как полнозначное наречие, может, в качестве наречия, функционировать как предикатив. Наречие *тут* можно в первом приближении истолковать как ‘обстоятельства, характеризующие момент речи’, при этом ‘обстоятельства’ включают в себя, во-первых, место, во-вторых, время, а в-третьих, событие, на фоне которых имеет место речевой акт. Таким образом, *тут* не имеет точной и единственной характеристики (‘место’), а осциллирует между тремя аспектами обстоятельств речи в зависимости от контекста, при этом в разных контекстах в фокусе оказывается тот или иной аспект ‘обстоятельств’ — ‘место’, ‘время’ или ‘событие’. Именно поэтому замена *тут* на *здесь* способствует сужению значения фразы. Так, если мы сравним два предложения:

(21) *Наина Киевна, вам тут телефонограмму передали* (Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Понедельник начинается в субботу (1964))

(21a) *Наина Киевна, вам здесь телефонограмму передали,*

то мы можем заметить, что фраза (21) имеет синкретичное значение — говорящий присутствовал в момент, когда передавали телефонограмму и, скорее всего, участвовал в ее приеме, кроме того, он знает, где в данный момент находится телефонограмма, и готов ее передать адресату. Фраза (21a) имеет в виду только то, что телефонограмма находится недалеко от говорящего, он знает, где она находится, и готов сообщить об этом адресату.

3.3.6. Множественность *здесь* и уникальность *тут*. Данные корпуса показывают, что *тут*, по сравнению с *здесь*, существенно реже сочетается с отрицанием *не*:

(22) *Да не тут, Кирилл, не тут!* (Владимир Спектр. Face Control (2002))

(23) *Пожалуйста, не здесь, — сказал ей строго офицер* (Андрей Дмитриев. Дорога обратно // «Знамя», 2001)

Количественные данные таковы (табл. 9)¹².

Как видим, отрицание отчетливо предпочитает сочетание с *здесь*, а не с *тут* (дельта 0,73).

¹² Из подсчета были выведены вопросы с предвосхищенным отрицанием (см. [Гришина 2011б]), в которых отрицание относится не к *здесь* (на *тут* примеров не встретилось), а к вопросу в целом, будучи предвосхищением отрицательного ответа слушающего на заданный вопрос:

(24) *А это не здесь про поцелуй и лето?* (Ю. О. Домбровский. Леди Макбет (1970)).

Кроме того, не рассматривались примеры, включающие в себя устойчивое сочетание *здесь и сейчас*.

Таблица 9

Не здесь и не тут

Интенсивность	<i>Здесь</i>	<i>Тут</i>	Δ_N	Δ_E
Отрицание	251	31	0,78	0,73
Всего	77315	69559	0,05	0,00
$\chi^2=149,3$; $p \leq 0,001$, параметры связаны, распределения достоверны				

Объяснить это, с нашей точки зрения, можно следующим образом. *Здесь*, как мы уже писали выше, обозначает некоторое близкое к говорящему место, на которое говорящий указывает и которое при этом находится за пределами личной сферы говорящего. Из этого следует, по видимому, что в каждый данный момент речи имеется бесконечное количество потенциальных *здесь* для данного говорящего, поскольку имеется бесконечный ряд точек в пространстве, лежащих за пределами личной «точки» говорящего и могущих быть охарактеризованными как близкие ему. Напротив, в каждый данный момент речи имеется только одна точка в пространстве, времени и событийном континууме, которая соотносится с говорящим и может быть аттестована с помощью наречия *тут*. Следовательно, если мы применяем операцию отрицания к наречию *здесь*, то мы получаем стандартное противопоставление *здесь* и *не здесь*, которое предполагает выбор из бесконечного ряда явлений одного класса (точно так же, как при выборе *не красный*, а {название цвета} мы получаем противопоставление *красного* и всех остальных цветовых обозначений). Если же мы применяем операцию отрицания к уникальному наречию *тут*, то мы не можем предложить никакого ряда, из которого можно выбрать альтернативное ему местоположение, положение во времени и в чередности событий; тем самым при отрицании *тут* мы сталкиваемся с ситуацией, аналогичной отрицанию цвета с помощью прилагательных совсем других семантических классов (*не красный*, а *высокий*). Таким образом, именно референциальная уникальность *тут* затрудняет его сочетание с отрицанием.

Если, однако, *не* все-таки сочетается с *тут*, то на первый план выходит локальный компонент значения *тут* как базовый (см. пример (22)). Однако встречаются контексты, где это не так. Например, в цитате (25)

- (25) *Когда сюда въезжали, все было не по мне — и печь не тут, и низкий потолок, и грязь, и духота.* (Б. Л. Пастернак. Доктор Живаго (1945—1955))

мы сталкиваемся с ситуацией, когда замена *тут* на *здесь* радикально меняет смысл фразы:

- (25а) *Когда сюда въезжали, все было не по мне — и печь не здесь, и низкий потолок, и грязь, и духота.*

Если в (25) *не тут* означает 'не в том месте, где создались бы обстоятельства, комфортные для говорящего', то (25а) имеет в виду, что печь пе-

реставили на новое место (удобное говорящему), поскольку старое место говорящему не подходило.

4. *Здесь, тут* и указательные жесты

4.1. Типы указательных жестов

Типы указательных жестов хорошо известны, однако лишь в последнее десятилетие, в связи с появлением технических и программных средств фиксации жестов, а также в связи с бурным развитием мультимедийных корпусов, в отношении функционирования указательных жестов в речи стали ставиться вопросы, которые еще двадцать лет назад казались либо несущественными, либо в принципе нерешаемыми. В частности, в прорывной и уже успевшей стать классической работе [Kendon, Versante 2003] авторами были рассмотрены указательные жесты, характерные для носителей неаполитанского диалекта итальянского языка, и их соотношение с сопровождающей указания речью. Были вычленены и определены как лингвистически значимые два основных типа указания рукой: открытая ладонь (ОЛ) (open hand) и указание пальцем (index), сформулированы основные лингвистические закономерности в выборе этих жестов. Кроме того, в зависимости от ориентации ладони для первого типа указательных жестов было выделено три разновидности: ‘ладонь вверх’ (palm up), ‘вертикальная ладонь’ (palm vertical) и ‘косая ладонь’ (open hand obliqua), для второго — также две разновидности: ‘указательный палец (УП) + вертикальная ладонь’ (index palm vertical), ‘УП + ладонь вниз’ (index palm down). Отдельно было рассмотрено указание большим пальцем (thumb). Было показано, что выбор между этими шестью вариантами не случаен и связан с содержанием сопровождающей указательный жест речи, прежде всего с ее референциальными характеристиками.

Анализ данных Мультимедийного русского корпуса (МУРКО), включающего в себя клипы из кинофильмов, выровненные с соответствующими текстовыми расшифровками, показал, что вычлененные А. Кендоном типы указаний рукой вполне актуальны и для носителей русского языка. Однако наш материал добавил к разновидностям указаний, определенных А. Кендоном, еще несколько:

1) помимо указания косой ладонью (т. е. открытой ладонью, расположенной не строго вертикально, а под углом, в большей или меньшей степени близким к 135°, так что ладонь как бы полуповернута вверх, см. рис. 3), достаточно часто встречается ‘комбинированная ладонь’ (или ‘ладонь углом’): та зона ладони, которая примыкает к большому, указательному и среднему пальцу, развернута вертикально, а зона ладони, примыкающая к безымянному пальцу и мизинцу, развернута вверх (см. рис. 4):